

— Все под приглядом, — отозвался из полумрака тихий, призрачный голос. На миг возникла заминка. — Но мы наткнулись на три чужих следа. Словно три разные силы ведут свою игру, и все — неизвестные.

Хунси поднял голову и встретился взглядом с Иньти. Оба едва заметно улыбнулись: похоже, за эти годы никто из их почтенного семейства времени даром не терял.

Иньти поудобнее устроился на постели.

— И какова их выучка? — с усмешкой спросил он, лениво протянув руку и потрепав Хунси по макушке. — Может, пора уже твоим людям показаться? Не хватало еще, чтобы свои же друг другу глотки перегрызли.

Хунси качнул головой, уклоняясь от ладони, и презрительно фыркнул:

— Будто ты не знаешь, кто у меня в подчинении. Кто это несколько лет назад то и дело твердил, что мои методы слишком наивны и детски?

Иньти перевернулся на бок, подперев голову ладонью, и посмотрел на Хунси со скорбной миной, в которой сквозила напускная обида:

— Так ведь я старался ради твоего же блага. Куда лучше получить нагоняй от своего, чем набивать шишки на чужбине и терпеть обиды от чужаков. Разве я не прав, Чэнчжай?

Хунси лишь зубами скрипнул. Какое уж тут почтение к старшим? Весь тот трепет и неловкость, когда он совсем недавно рыдал у этого человека на груди, мгновенно улетучились без следа. На лбу юноши явственно запульсировала жилка. Не желая срамиться перед подчиненным, он прикрыл глаза, силой подавляя закипающий гнев, и процедил сквозь зубы с ледяной, вежливой улыбкой:

— В таком случае Чэнчжай безмерно благодарен старшему брату за науку! — Он резко повернулся к темноте и скомандовал: — Лин! Ступай и хорошенько поучись у людей третьего брата!

Слово «поучись» он выделил особо, недвусмысленно давая понять: если уступите — пеняйте на себя.

Иньти довольно прищурился. Издеваться над младшим по-прежнему оставалось его излюбленной забавой. Настроение у него окончательно исправилось.

— Таньлан, — лениво бросил он в пустоту. — Поиграйте с ребятами, только не слишком усердствуйте, они ведь еще дети. И приглядитесь к тем двум другим отрядам, что встретили сегодня. Скоро они сами выйдут на связь, это наши люди. Что же касается всех остальных...

пока они не дергаются, не трогайте. Но если кто-то из пришлых окажется слишком любопытным или глупым — церемониться не надо. Приберите за ними красиво.

Иньти улыбнулся шире, а в его голосе послышался опасный металл:

— Пусть наши взбодрятся. Слишком уж мирным выдалось последнее десятилетие.

Хунси уловил хищный блеск, вспыхнувший в глазах дяди. Точно такую же жажду борьбы он когда-то видел у своего отца, Иньжэна. Юноша невольно усмехнулся в ответ: в конце концов, в жилах каждого из рода Айсиньгёро текла кровь безумных, беспощадных волков.

И он сам не был исключением.

Пусть в этой жизни он держался в стороне от стен Запретного города — обители, что когда-то разбила ему сердце, — но безудержная страсть к борьбе и дикое упрямство навечно въелись в его плоть и кровь. Это не стереть ни временем, ни перерождением.

Таньлан и Лин выждали мгновение, и, убедившись, что новых приказов не последует, бесшумно растаяли во тьме.

Иньти увлек снова задумавшегося племянника на постель, укрыл их обоих тяжелым одеялом и успокаивающе похлопал по плечу взъерошенного юношу.

— Спи, — тихо прошептал он. — Очень скоро тихие дни для тебя закончатся.

Хунси замер, но спорить не стал, прекрасно понимая, на что намекает дядя.

Прислонившись лбом к плечу Иньти, он послушно закрыл глаза. Запретный город... Место осталось прежним, и люди там... все те же, пусть и в чужом обличье! От этой мысли на душе сделалось беспокойно. Рядом послышалось мерное, глубокое дыхание Иньти, и Хунси даже почувствовал укол зависти — надо же, этот несносный человек заснул без всяких усилий.

На следующее утро в усадьбу рода Фуча прибыл старший евнух и доверенное лицо императора, Гао Уюн. Все семейство выстроилось в парадной зала, чтобы выслушать волю повелителя:

«Четвертый сын Фуча Фухэна, Фучанъань, выказал отроческий ум, прилежание в науках и недюжинное воинское мастерство. Сему отроку надлежит немедленно явиться во дворец, дабы принять обязанности баньду при тринадцатом принце».

Фухэнь едва заметно вздрогнул, но лицо его осталось бесстрастным. Справившись с волнением, он чинно поблагодарил государя за милость и пригласил Гао Уюна в гостиную откусать чаю, надеясь выведать хоть какие-то подробности. Трудно было поверить, что император попросту забыл о том, что один из его сыновей уже служит баньду у двенадцатого принца.

Гао Уюн вежливо поклонился и украдкой бросил внимательный взгляд на Хунси.

Тот, поднявшись после земного поклона, поспешил встать поближе к Иньти. Он косился на евнуха, мастерски разыгрывая смесь детского удивления и бурного восторга.

Вернувшись во дворец, Гао Уюн до мельчайших подробностей доложил владыке о поведении каждого члена семьи Фуча. Канси, полулежа на мягкой кушетке в Зале Вращения Сердца, слушал его с закрытыми глазами. Затем он не проронил ни слова, лишь небрежным взмахом руки отпустил слугу.

В Янсиндяне воцарилась глубокая тишина. Наконец, после долгого молчания, император глухо произнес фразу, истинный смысл которой угадать было почти невозможно:

— Восьмой, присмотри за этими сорванцами.

Шагнувший из тени Иньсы почтительно склонился, принимая повеление.

Едва Иньти и Хунси переступили порог дворцовых ворот, как их тут же перехватили слуги, присланные госпожой Нала, и препровели во дворец Икунь.

Снова оказавшись в этих стенах, созерцая одновременно близкие и чуждые очертания бесконечных переходов, Хунси почувствовал, как к горлу подкатывает тяжелый ком. Иньти, шедший рядом, негромко обронил:

— Ну и как тебе?

Простой, казалось бы, вопрос заставил сердце Хунси екнуть. Прислушавшись к собственным ощущениям, он с удивлением осознал, что вместо привычной горечи испытывает странное, будоражащее кровь возбуждение. И самым первым чувством, которое пробудили в нем эти багровые стены, была тоска по прошлому. Светлая, щемящая ностальгия.

Поначалу это казалось дикостью, но если подумать — все было закономерно. Рожденный в императорской семье не знает ни раскаяния, ни жалости. Находиться в шаге от абсолютной власти, держать в руках нити чужих судеб и вершить дела Поднебесной — разве не ради этого стоит жить?

Человек борется за свое имя, божество — за благовония на алтаре!

Разговоры о безразличии к мирской суете — удел тех, у кого и так все есть... либо тех, кому уже нечего терять.

Хунси поднял глаза к зажатому между крышами небу Запретного города и тихо рассмеялся. Пожалуй, только сейчас он окончательно принял этот безумный, перевернутый с ног на голову мир. И наконец-то понял, как ему вести себя с теми, к кому он долгие годы питал лишь глухую, выжигающую душу ненависть.

«Тогда, в прошлой жизни, я просто не умел смотреть вглубь вещей. Мой отец... Его последнее отчаяние наверняка было связано и со мной. Он понимал, что не может дать собственному сыну то, чего тот жаждал больше жизни».

Пытаться силой удержать то, что тебе не принадлежит — глупость и верный путь к гибели.

Хунси почтительно поприветствовал госпожу Нала. Получив милостивые дары и ответив на несколько расспросов, он вместе с Иньти был отпущен. Императрица позволила Иньжэну и Хунши увести вновь прибывших к себе, чтобы те могли спокойно поговорить.

Нала провожала взглядом удаляющуюся четверку, и в ее душе шевельнулось странное чувство, будто эти дети с самого начала должны были держаться вместе. К тому же этот младший, Фучанъань, повадками и взглядом до жути напоминал ее собственного двенадцатого сына. Фуканъань и Фучанъань — двое наследников этого славного рода теперь стали соучениками ее сыновей. Если объединить влияние кланов Уланара и Фуча... Взгляд императрицы посуровел. Что это со стороны государя? Попытка укрепить положение двенадцатого и тринадцатого принцев перед грядущей борьбой за престол или тонкая проверка на верность?

Даже если ее мальчикам не суждено занять трон, поддержка такого могущественного союза обеспечит им спокойную и сытую жизнь, а пока она сама твердо удерживает место в среднем дворце, никто не посмеет обидеть ее детей. Нала прогнала минутную слабость, лицо ее вновь приняло величественное выражение.

Она тихо, торжествующе усмехнулась:

«Впрочем, птицы уже оперились. Если они чего-то хотят, пусть берут это своими руками!»

Улыбнувшись своим мыслям, императрица лениво щелкнула ухоженным ногтем и позвала:

— Матушка Жун.

Старая служанка тут же согнулась в поклоне:

— Раба ваша слушает, матушка.

Нала оперлась на ее руку и поднялась с места:

— Проводи меня в императорский сад. Прогуляемся.

Императрица величественной походкой направилась к выходу, по пути велев слугам передать принцессе Хэань, чтобы та присоединилась к ней на прогулке.

Матушка Жун бережно поддерживала хозяйку под локоть. За эти годы, общаясь с умудренной опытом матушкой Ли, она многому научилась: попридержала свой буйный нрав и, сознавая собственную простоту, старалась лишний раз не покидать стен дворца Икунь. Она стала немногословной и преданно пеклась лишь о благе своей госпожи.

Покои Иньти располагались вплотную к спальне Иньжэна, а по другую сторону от нее находились комнаты Хунши. Внезапный указ императора застал Иньжэна врасплох: он попросту не успел решить, кого из слуг потеснить, дабы освободить место для Хунси. Сам же Хунси, которого Иньжэн крепко держал за руку, сиял от счастья. Его совершенно не трогал недовольный, кислый взгляд Хунши, как и плохо скрываемая досада Иньти.

Заметив, что Иньжэн время от времени виновато косится на него, Иньти мысленно простонал от жалости к самому себе. Он из кожи вон лез, выстраивал интриги, чтобы притащить Хунси во дворец и успокоить Баочэна, а теперь его самого оттесняют на задний план? «Баочэн, ну нельзя же быть настолько неблагодарным!»

Под укоризненным взглядом Иньти Иньжэн почувствовал себя еще более неловко и всерьез задумался, а не поселить ли Хунси прямо у себя.

Хунши тяжело вздохнул и неторопливо произнес:

— Брат, я уже велел Ли Сяну прибрать комнату рядом с моей спальней.

Иньжэн лично обошел комнату, придирчиво осматривая каждый угол. Линь Яо и Ли Сян с замиранием сердца следили за выражением его лица. Наконец, когда на лице двенадцатого принца появилось нечто похожее на удовлетворение, слуги облегченно выдохнули и принялись раскладывать немногочисленные личные вещи Хунси.

Хунши наклонился к самому уху Хунси и заговорщически прошептал:

— Брат Хунси, наш второй дядя сейчас выглядит точь-в-точь как заботливый отец, который обустривает светлицу для любимой дочери перед свадьбой.

Едва договорив, он мгновенно отпрянул на шаг назад, с улыбкой уворачиваясь от яростного взгляда Хунси.

Иньти, стоявший поодаль, расслышал его слова до последнего слога. Он бросил на Хунши лукавый взгляд: «А парень-то рискованный, раз посмел дразнить Хунси прямо на глазах у Баочэна!»

Иньжэн зашел во внутренние покои, проверил мягкость постели и вдруг наткнулся взглядом на длинный узкий футляр, лежавший у подушки. Обернувшись к сыну, он удивленно приподнял бровь:

— Хунси, благовоениями лучше не злоупотреблять.

Хунси заметно покраснел.

Иньти прекрасно знал, что таится внутри. Он подошел к Иньжэну, взял коробку и легким движением откинул крышку.

Секундное недовольство Иньжэна растаяло без следа, стоило ему увидеть содержимое.

Внутри лежали четыре плети, выполненные в точности по тому образцу, который он предпочитал в своей прошлой жизни. Самая длинная была сплетена точно под его прежнюю руку, а три другие, покороче, предназначались для подростков — их длина постепенно увеличивалась, соответствуя взрослению владельцев. Иньжэн крепко сжал губы, пальцы его мелко задрожали.

Хунси поднял глаза и заметил слезы в глазах отца. Он робко подошел ближе, приподнялся на цыпочки и обнял Иньжэна за шею.

— Отец... — тихо, с затаенной нежностью позвал он.

Иньжэн порывисто прижал сына к себе. Голос его сорвался на шепот, он лишь повторял бесконечно родное имя:

— Хунси... Хунси...

Иньти осторожно закрыл крышку футляра, опустил его на ложе и кивком указал Хунши на дверь.

Они вышли наружу и замерли на пороге под порывами прохладного ветра, пытаясь унять щемящую тоску в груди.

Иньти гадал, суждено ли ему в этой земной жизни обнять собственных детей и признаться им, кто он такой. А Хунши с горечью вспоминал былые годы, когда он был обделен теплом и родительской любовью.

Осенний ветер уныло шуршал листвой, навевая печальные думы. И за порогом, и внутри комнат каждый безмолвно горевал о своем.

В Императорской школе произошли перемены.

Поскольку Иньсы и Иньчжэнь получили официальные назначения и больше не посещали занятия, Канси воспользовался этим предлогом, чтобы полностью переставить столы. Место Иньжэна теперь оказалось прямо перед Хунши, Юнци и Фу Эртая отодвинули в самый дальний угол класса, а Иньсян сел впереди Иньчжэня.

Юнци изо всех сил старался казаться невозмутимым, но в глубине души его леденил страх. Теперь его стол стоял наравне со всеми остальными — и это распоряжение отдал лично император. Более того, Фу Эрканя с позором выставили из Императорской школы. И пусть Фу Эртай все еще сидел позади него, их общая парта была задвинута в темный угол, где они оставались вдвоем, отрезанные от остальных принцев.

Навещая во Дворце Продления Счастья матушку Вэй, Юнци прослышал, что оба юных наследника рода Фуча назначены баньду. Сам он, некогда воспитанный покойной императрицей Сяосянь, теперь чувствовал, как связи с ее могущественным кланом неумолимо рвутся. Беспокойство вновь охватило принца. Он обернулся к окну, бросил взгляд на прилежно склонившегося над книгой Фу Эртая, и его сердце немного успокоилось.

«Для меня никогда не имел значения статус моих близких. Главное — это родство душ и общие устремления. Наша дружба чиста и бескорыстна, как союз истинных мужей...»

Фу Эртай, со своей стороны, давно почуял неладное — ведь среди всех взрослых принцев в Императорской школе продолжал учиться один лишь пятый принц. Но показывать слабость было нельзя: как ни крути, Юнци оставался сыном императора. Эртай с нетерпением ждал возможности поехать домой или хотя бы нанести визит во дворец к матушке Вэй после окончания занятий, чтобы разузнать новости.

Последние перемены в Запретном городе изрядно потрепали нервы столичной знати. Знатные дамы без устали отправляли прошения о аудиенциях, наносили друг другу визиты и плели тончайшие словесные кружева, силясь разгадать намерения императора. Все были взвинчены до предела, и в каждом богатом доме тайком возносили молитвы небу:

«Ваше Величество, вы ведь уже в почтенных летах, неужели нельзя обойтись без этих внезапных причуд? Пожалуйста, успокойтесь и дайте нам пожить мирно!»